

ДМИТРИЙ ФУРМАН

Эстонская революция

В этой статье¹ я попытаюсь проследить эволюцию политической жизни Эстонии в период, предшествующий августовскому путчу и обретению республикой независимости. Это период национальной революции. Сходные процессы шли во всех государствах бывшего СССР и привели к его распаду. Они имели общие закономерности и общую логику, но в каждом случае своеобразие национальных культур и местные факторы вносили в схему немалые изменения. Эстонские события того периода широко освещались в нашей, тогда еще центральной, прессе — и демократической, и правой. Но картина, которая представилась мне в результате изучения эстонского материала, значительно отличается от образов, которые возникали у читателей московских газет и журналов. И левые, и правые видели в эстонской революции

главным образом то, что хотели увидеть в подтверждение своих идеологических мифов: либо борьбу героических эстонцев с заговором центра и с действующими по его указке русскими люмпенами-реакционерами, либо — все тот же заговор, но уже не центра, а ЦРУ и осуществление дьявольского плана расчленения Союза. Реальность была, на мой взгляд, менее романтической, что, однако, не делает ее менее значительной, и я в этой статье не стремился снизить весомость революции в Эстонии. Все великое, в том числе и распад советской империи, всегда осуществлялось обычными людьми, погруженными в повседневный быт, мелкие склоки, заботы о карьере и популярности. Но как признался поэт: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» То же можно сказать и об исторических событиях.

ПРОЛОГ СОБЫТИЙ

Одна из важнейших проблем, с которой мы сталкиваемся при рассмотрении событий 1988—91 годов в Эстонии, — мощный антисоветский, антикоммунистический и антирусский потенциал, который в это время стремительно вырвался наружу. Что это было? Остатки старого антисоветизма? Постоянные и неизменные настроения, которые лишь нашли удобный момент для выхода на свет? Или же это новое, возникшее в недавнее время силовое поле?

Для ответа вспомним, что, как и вся Прибалтика, Эстония (а она с особой силой и яркостью воплощает некоторые прибалтийские особенности) вошла в СССР наиболее насильственным по сравнению с любой другой частью империи образом. Строго говоря, только в России коммунистическая идеология победила в результате спонтанного, внутренне обусловленного процесса. Во всех прочих республиках ее победа связана с приходом русских революционных армий и ликвидацией эфемерных «независимостей». Но в Прибалтику советская армия вошла лишь в 1940 году после пакта Молотова — Риббентропа. Прибалтийские государства уже более двадцати лет существовали независимыми, и внутренние силы, на которые могла бы опираться здесь новая власть, были предельно слабыми.

Не удивительно, что психологическая и идейная интеграция Прибалтики в СССР

¹В основу статьи положен сокращенный и переработанный отчет, сделанный автором для Аналитического центра РАН.

оказалась особенно сложной, что связано, кроме всего прочего, еще и с некоторыми местными особенностями.

Прежде всего это относительно высокий уровень образования коренных наций. Причем в протестантской Эстонии в 1940 году он был значительно выше, чем в католической Литве и даже протестантски-католической Латвии. Однако дело не только в уровне культуры, который, естественно, мешал некритическому усвоению официальных идеологических догм, но и в его характере — из всех советских республик только в Прибалтике преобладали «западные» вероисповедания — католицизм и лютеранство.

Вместе с тем хотя в событиях последних лет и играл какую-то роль старый антисоветизм эмигрантов и людей, пронесших старую идеологию через годы советской власти, и хотя всегда, безусловно, существовал определенный минимальный уровень «антисоветское™», но в эстонской революции действовал прежде всего новый, накопившийся и возросший в последние годы потенциал. Он проявился не столько в «старых», сколько в «новых» людях, сформированных уже советской эпохой, прошедших через всю систему нашего идеологического воспитания. Это бывшие комсомольские работники (которых так много среди эстонских антикоммунистических лидеров), коммунисты, дети эстонских революционеров — как Марью Лауристин... Они оказались более антисоветски и антикоммунистически настроенными, чем многие эстонские эмигранты на Западе. К примеру, американский профессор Рейн Таагепера, бывший еще в 1988 году как бы «гуру» нового поколения эстонских политиков, в 1990-м предстает как фигура чуть ли не просоветская.

Каким же образом возникли эти настроения? Почему укоренение в Эстонии советской системы и коммунистической идеологии стало одновременно накоплением вышеописанного «отрицательного потенциала», прорвавшегося затем на волю? Вопрос сложный, и я намечу лишь контуры ответа на него.

Укоренению советской системы способствовало прежде всего «исчезновение» — то есть гибель или эмиграция в сороковых — пятидесятых годах практически всей старой, периода независимости, эстонской элиты и вообще едва ли не всех, кто представлял реальную угрозу для новой власти. Незадолго до войны перед вступлением в Эстонию советской армии из нее в «рейх» выехала большая часть эстонских немцев. После присоединения Эстонии к СССР начались аресты и расстрелы, а затем и первая массовая депортация. Высланы были в основном представители социальной элиты. Затем — война, принесшая гибель массе эстонцев, воевавших и на немецкой, и на советской стороне. Истребление немцами не успевших бежать на Восток евреев. Отъезд в Швецию большинства живших в Эстонии шведов. Массовое бегство в Германию и Швецию при приближении Советской Армии около ста тысяч эстонцев. Постепенная гибель «лесных братьев», продолжавших сражаться в лесах до конца пятидесятых. И наконец, сталинские репрессии, обрушившиеся летом 1950 года на эстонских коммунистов и немногих примкнувших к советской власти старых эстонских интеллигентов, обвиненных в национализме. Масштабы людских потерь, вызванных этими событиями, были для маленькой Эстонии грандиозными...

Практически полное исчезновение старой элиты открыло во всех сферах жизни множество верхушечных позиций, которые начали заполнять новые люди. Это были в основном эстонцы, родившиеся и выросшие в России и сделавшие в ранний послевоенный период в Эстонии множество стремительных партийно-административных карьер.

Однако постепенно ситуация меняется. Выросло новое поколение людей, воспитывающихся и живущих в новых социальных условиях. Их убеждения сложились как под влиянием пропаганды, так и под воздействием внутренних психологических механизмов конформизма, приспособления к новой ситуации. Они приняли правила игры. И хотя на самом веру долго сохранялось преобладание «русских эстонцев», партийный и советский аппарат становился все более и более «настоящим эстонским».

Возник колоссальный слой интеллигенции, удельный вес которой в Эстонии выше, чем в любой другой советской республике. В массе своей — это новые люди, не имеющие родственных связей со старой эстонской социальной элитой, интеллигенты первого поколения, выходцы из низов или их дети, воспитанные уже при советской власти.

Приспособился к советским условиям и народ в целом. Сельское хозяйство, особенно во второй половине шестидесятых — начале семидесятых годов, переживает колоссальный подъем, который Рейн Таагепера называл «тихой революцией».

Жизненный уровень эстонцев — самый высокий в стране. Более того, центр

ДМИТРИЙ ФУРМАН. Эстонская революция

в какой-то мере создает для Эстонии особые условия (во всяком случае, в семидесятые — начале восьмидесятых годов), как бы признавая ее специфическое положение в СССР как самой развитой «западной» республики. Здесь внедряются «прогрессивные» формы хозяйствования, здесь значительно более свободный интеллектуальный климат и здесь даже (в единственной советской республике) может приниматься иностранное — финляндское — телевидение.

Укоренению советской власти в Эстонии способствует и постоянный рост русского и «русскоязычного» населения. Русские составляют большинство населения крупных городов северо-востока Эстонии — Нарвы, Кохтла-Ярве, Силламяэ — и половину населения Таллинна. Прежде всего это — представители рабочего класса.

Русская миграция не была, разумеется, результатом целенаправленной колонизаторской политики, как утверждают сейчас эстонские деятели. Процесс этот в основе своей шел «естественным» путем. Но результатом его стало усиление в Эстонии слоя людей, неизмеримо более, чем эстонцы, проникнутых «общесоюзной идеологией» и не видящих в массе своей ни себя, ни республики вне СССР.

Основные процессы формирования эстонского советского общества и эстонской социальной иерархии произошли в эпоху, когда сталинский террор уже кончился. Общество стабилизировалось. Сталинский партаппарат все более уставал от постоянного страха, и эта усталость все менее компенсировалась фанатичной и догматической верой. Поэтому он и поддержал новый хрущевский курс, а затем, стремясь избавиться уже не только от страха за жизнь, но и от нестабильности, рожденной вихрем хрущевского реформаторства, поддержал Брежнева.

При Хрущеве и особенно при Брежневе правящий бюрократический слой добивается гарантий своего положения. При Сталине опальных представителей верхушки и их семьи ждала трагическая судьба. При Брежневе им грозила лишь «ссылка» на дипломатическую работу. И эта гарантированность положения возникает не только от новых «правил игры» в бюрократической иерархии. Бюрократия укрепляет свои позиции и путем приобретения иных, уже небюрократических статусов. Накапливается богатство, имущество, которое может быть передано детям и которое делает отставку, крах в карьере не такими болезненными. Бюрократия интенсивно приобретает ученые степени — то есть гарантирует себе положение в интеллигентской иерархии. Это своего рода «защитная сетка», которая подстрахует в случае падения с лестницы бюрократической иерархии. Все эстонские партийные руководители предперестроечной и ранней перестроечной эпохи — доктора и кандидаты наук (не беда, если тема диссертации, как у В. Вяляса — «Деятельность Коммунистической партии Эстонии по воспитанию трудящихся в духе социалистического интернационализма в свете решений XXIV съезда КПСС»). И даже позже, в 1991 году, когда Эстония провозгласила свою независимость, это не помешало ее президенту, представителю еще старой, «доперестроечной» элиты А. Рюйтелю защитить в Академии сельскохозяйственных наук в Подольске докторскую диссертацию.

Но гарантированность положения вызывает психологическую независимость. Руководители нового поколения В. Вяляс, И. Тооме, А. Рюитель — это люди, отличающиеся от старых партийных деятелей значительно большей уверенностью в себе, большим чувством собственного достоинства. Их объективное социальное положение ближе к положению досоветской эстонской элиты, нежели революционеров-коммунистов или сталинских выдвиженцев сороковых годов. И они, естественно, начинают ощущать психологическую близость скорее со старой элитой, чем со своими «формальными» идеологическими предшественниками. Коммунистическая идеология начинает ощущаться как ненужная помеха в окончательной «нормализации» их положения. Таким образом, чем более укореняется коммунистическая партийная иерархия — и не только она, но и весь колоссальный слой управляющих и бюрократов, — тем больше у нее стремление «привести форму в соответствие с содержанием», отбросить мешающую старую форму, которая воспринимается уже как нечто унижающее.

Особенно сильные настроения такого рода возникают у эстонской интеллигенции. Ослабление и прекращение террора в послесталинский период означало постепенное уменьшение роли идеологических факторов в карьере и рост значения факторов чисто профессиональных. Кроме того, положение интеллигенции стабилизировалось. Кандидат и доктор наук, народный художник, академик — все это звания пожизненные, служащие статусными гарантиями и для следующего поколения. Так в Эстонии возникает второе

поколение «новой интеллигенции». В сороковые — пятидесятые годы выходцы из низов делали в науке карьеры не менее стремительные, чем в сфере управления обществом. В шестидесятые — семидесятые годы среди интеллигенции начинают доминировать их дети. Дети интеллигентов заполнили художественные вузы, в которые выходцы из низов практически уже не попадали. И именно люди творческих профессий окажутся в скором будущем в «передовом отряде перестройки».

Интеллигенты второго поколения имеют совсем иную психологию и иные социальные интересы, чем «выскочки» сороковых годов. Они в громадной мере ощущают свою независимость от партийной иерархии. Более того, тяготение аппарата к ученым степеням для себя и своих детей, его стремление быть уважаемым порождает даже определенную зависимость аппарата от элитарной интеллигенции. На статус эстонского интеллигента уже неизмеримо больше влияет мнение зарубежных коллег, чем мнение какого-нибудь секретаря райкома. В среде интеллектуалов накапливаются ненависть и отвращение к официальной идеологии, и в семидесятые годы в этом насыщенном растворе все чаще происходит «выпадение кристаллов»: отдельные интеллигенты, как правило, молодые или не занимающие по тем или иным причинам прочного общественного положения, отказываются от «правил игры» и становятся диссидентами с перспективой тюрьмы или эмиграции и почетного положения на Западе в роли борца за свободу Эстонии.

Как ни парадоксально, стабилизация общества и укоренение советской системы порождали потенции ее новой дестабилизации. Чем более стабилизируется элита — партийно-административная, хозяйственная, интеллигентская — тем острее она воспринимает официальную идеологическую систему как препятствие к окончательной «нормализации» своего положения: превращения партработника — в политического деятеля, председателя колхоза — в председателя акционерного общества, преподавателя научного коммунизма — в политолога или социолога. Чем сильнее укореняется советская система, тем сильнее тяготение к Западу и к эстонскому досоветскому прошлому.

Социальные изменения в советской Эстонии порождают интересное психологическое явление. Превращение интеллигенции и бюрократии в грандиозных размеров социальный слой, абсолютно несопоставимый с размерами его в досоветское время, повлекло за собой падение социального статуса низов интеллигентской и бюрократической элит. Рядовой инженер в ЭССР — по своему положению неизмеримо ниже инженера времен Пятса, но отождествляет он себя именно с ним. Оказалось, что громадное количество людей отождествляет себя с узкой элитой старого эстонского общества, и лишь очень немногие — с рабочими и батраками старой Эстонии.

Так в эстонском «котле» накапливался пар, и его давление становилось все сильнее по мере того, как более стабильным, обеспеченным и свободным становилось эстонское общество. В страшные сороковые годы не было того потенциала недовольства, какой накопился в сытые и спокойные семидесятые и в начале восьмидесятых.

Идеологическая ситуация, сложившаяся в Эстонии, была крайне противоречивой. Формально коммунистической идеологии придерживалось все общество, за исключением горстки диссидентов. Все цитируют Ленина, говорят о дружбе народов и т. п. Но под тонкой пленкой официальной риторики складывается и рвется на поверхность прямо противоположный ей идеологический комплекс. Его ядро — идеализация периода независимости, резко отрицательная оценка последствий ее утраты и неопределенные мечты о ее восстановлении. Образ доброго старого времени, о котором эстонец семидесятых — начала восьмидесятых годов знал не так уж много, строился на отрицании сегодняшних реалий: не было господства русских, не было официальной коммунистической идеологии, не было экологических проблем, не было нехватки товаров... Это образ интеллигентски сельскохозяйственной идиллии — чистая, аккуратная, богатая, тесно связанная с Западом демократическая страна с товарным изобилием и природой, не испорченной заводами и рудниками...

Официальная пропаганда изображала присоединение Эстонии к СССР «народной революцией». В «неофициальной идеологии» — это результат сговора Молотова — Риббентропа, национальная трагедия, надругательство над беззащитной маленькой страной. При этом все то, чем недовольны эстонцы — в том числе и в самих себе, — объясняется последствиями «завоевания». Они смутно надеются, что, может быть, при каком-то новом раскладе исторических обстоятельств вернется самостоятельность и связываемый с ней

«золотой век». И при этом отлично понимают, что своими силами ее не вернуть. Надо ждать, а пока в ожидании благоприятных обстоятельств стараться сохраниться как народ. Выжить.

Идея «выживания» играет в Эстонии большую роль в силу особой демографической ситуации. Здесь практически нулевой естественный прирост населения. С этим эстонцы ничего поделать не могут, ибо переход к большей рождаемости означал бы коренную ломку всех устоявшихся привычек и, естественно, снижение жизненного уровня. Но при этом их крайне беспокоит постоянное увеличение доли русскоязычного населения. Возникает вполне реальная перспектива утраты эстонцами большинства в своей собственной стране. А в некоторых районах Эстонии это уже произошло. В Нарве не услышишь эстонской речи, и в самом Таллине эстонцы уже не составляют большинства.

Рост русскоязычного населения вызывает постоянный рост антирусских настроений. Подобная направленность складывающегося антиофициального идеологического комплекса — неизбежна. Эстонец ощущает свой народ — «европейским», культурным, интеллигентным, умеющим хорошо трудиться, но, к сожалению, маленьким и попавшим во власть глупой, грубой, полуазиатской русской силы. Тийт Маде, один из создателей народнофронтовского движения, писал в статье, опубликованной в «Свенска Дагбладет» и вызвавшей громадных масштабов скандал: «Редко можно найти приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет... Агрессивность, необходимость показывать силу и выдавание чужих успехов за свой... Русские сами должны понять, что империя распадается. Надо, чтобы они испытали потрясение и поняли, что не являются центром земли». Ясно, что эта выплескивающаяся наружу ненависть накапливалась годами, отнюдь не в период перестройки, а в те годы, когда, как писал поэт и народнофронтовский публицист Яан Каплинский, эстонцы «были вынуждены молчать и симулировать большую любовь и благодарность к могучему партнеру».

Но если русские вообще, русские в России еще могут вызвать какие-то положительные чувства, то русские в Эстонии, «мигранты», — это непосредственное воплощение угрозы для национального будущего, для самого существования нации. Они вызывают лишь ненависть, брезгливость и страх. В этих чувствах национальный аспект (русский — «поработитель», эстонец — «порабощенный»; русский — «полуазиат», эстонец — «европеец») сочетается с классовым (русский — рабочий или техник; эстонец — интеллигент, бюрократ или земледелец). Эстонский эмигрант, американский исследователь Тену Пармит пишет: «...все более заметна тенденция использовать русских как козлов отпущения. Во многих аспектах эти иммигранты стали символизировать московское правление в Эстонии. Поэтому их — справедливо или нет — обвиняют, например, в нехватке жилья. Русские стали мишенью бесчисленных этнических шуток. Практически все плохое в советской Эстонии определяется местными уроженцами как *vene vark*, или русское дело».

Этот антиофициальный, относительно единый и в немалой мере общеэстонский идеологический комплекс создал основу для самого главного политического размежевания последующей эпохи — размежевания по национальному признаку: эстонцы — «русскоязычные». Естественно, в границах этого комплекса существовало немало различных нюансов и оттенков. Но он неизменно возникал в самой своей обнаженной и бескомпромиссной форме, когда речь заходила о незаконности включения Эстонии в СССР и об аморальности соглашения с результатами этого беззаконного сговора двух разбойников — Сталина и Гитлера. Именно такой была позиция диссидентских группировок, обращавшихся с различными воззваниями к Западу и ООН, распространявших «самиздат» и периодически устраивавших митинги в День независимости Эстонии и в годовщину подписания пакта Молотова — Риббентропа. Это позиция людей, отказавшихся от карьеры в советском эстонском обществе, — революционеров по своей психологии и своей «функции». Однако в силу того, что действовали они в обществе, возникшем революционным путем, в обществе, официальная идеология которого была формально революционной, их собственная идеология находилась в резком противоречии с их ролью и психологией. Это — революционеры-«консерваторы», отвергавшие одновременно и строй, и революционные методы борьбы. Людей этих было не слишком много, но их бескомпромиссные моралистические убеждения оказывали большое влияние на общество.

Этот же комплекс в более мягкой форме присутствовал и у людей с более устойчивым социальным положением. Разумеется, что у правящей верхушки, прямо связанной с официальной идеологией, он теплился в самом умеренном и скрытом

состоянии. И все же в том или ином виде он был распространен повсюду. Как писал уже упоминавшийся Я. Каплинский, все были «коллорабационисты» и все находились в «сопротивлении». Вся думающая Эстония — от диссидентов до правителей — представляла собой как бы некий «континуум», ибо позиция диссидентов — это лишь крайнее и чистое выражение общеэстонского идеологического комплекса. Стремление освободиться от Москвы и избавиться от «мигрантской угрозы» — общее и «вверху», и «внизу». Это основа последующего политического единства эстонцев и одновременно — почва для зарождения будущих партийно-политических размежеваний, ибо как ни сходятся «верхи» и «низы» в своей нелюбви к Москве и русским «мигрантам», но трудно объединиться в одних рядах тем, кто сидел в тюрьмах, с теми, кто сидел в креслах и лишь смягчал их приговоры.

Все это говорилось об эстонцах. Но последующая демократизация раскрыла и политический потенциал русской части населения Эстонии, изолированной от эстонцев психологически и культурно, и прежде всего — языковым барьером.

Националистические настроения в общине очень слабы — в силу ее «негуманитарного» социального состава и в силу того, что составляют ее мигранты, противостоящие «коренным», которые не делают особенных различий между теми, кто не говорит по-эстонски: собственно русскими, украинцами или евреями. Община не спаяна общностью крови и почвы, и в ней очень силен специфически советский «русскоязычный» интернационализм, связанный с коммунистической идеологией. Эстонский язык мигранты действительно знают значительно хуже, чем эстонцы — русский. Есть на этот счет эстонская шутка: «Тот, кто знает два языка, — националист. Тот, кто знает один, — интернационалист». Но связано это незнание языка не с пренебрежением к местной культуре, а, скорее, с жизненными и социальными причинами.

Более того, как показали последующие события и опросы, в русской общине нашлось меньшинство — и довольно значительное, — вообще готовое встать на «эстонские позиции» (вплоть до отделения от СССР с перспективой оказаться «за границей»). В какой-то мере это проявилось уже в доперестроечные времена. Характерно, например, что при смешанных браках большинство детей выбирают эстонскую национальность и среди участников диссидентского движения очень часто встречаются русские фамилии — это дети от эстонских матерей. Опросы показывают, что русские уроженцы Эстонии в своих оценках событий ближе к эстонцам, чем к мигрантам. По всей видимости, это связано, главным образом, с тем, что в русской общине также накапливался «отрицательный потенциал» (хотя и медленнее, чем у эстонцев), который зачастую выражался в форме сочувствия эстонцам, в переходе на их позиции.

Все это проявится позднее. Русская часть населения окажется политизированной значительно позже, чем эстонская, и ее действия будут иметь вторичный, реактивный характер. Это, скорее, неумелая оборона от «антимигрантского» наступления, во многом неожиданного для русских. Они прибегнут к выходящим из употребления и старомодно звучащим интернационалистским и социалистическим лозунгам, что отнюдь не создаст политического единства эстонских русских, противостоящих «Тоомпеа», сравнимого с единством эстонцев, противостоящих «Москве».

ЭПОХА «ГЛАСНОСТИ»

Перестройка — процесс реформ, который постепенно перерос в «революцию», ибо принял в конце концов стихийный неуправляемый характер. Шел он не по какому-то заданному плану и, став необратимым, привел к изменению самих механизмов распределения власти. Как и любая революция, перестройка представляла собой процесс выхода на поверхность накопившегося отрицательного потенциала, но в отличие от революций типа 1917 года этот выход был в определенной мере «спровоцирован» — клапан в котле начал открываться до того, как возникла угроза, что пар разнесет его стены. Во многом интенсивность процесса была связана с приходом к политической жизни и участием в распределении власти новых социальных слоев, раньше не участвовавших в политике и спокойно «дремавших» на дне общества.

Выход наружу скопившегося отрицательного потенциала создает заданность процесса, его как бы планомерность, которая может показаться настоящей планомерностью,

«заговором». Именно так стали впоследствии интерпретировать события в Эстонии многие представители русского меньшинства, «интеры», сопротивляющиеся эстонскому национальному движению. Видя логику, последовательность процесса, ведущего от первых робких требований большей самостоятельности к провозглашению независимости, они приходят к довольно логичному выводу, что независимость и «реставрация капитализма» были изначально сознательными целями, которых добивались эстонские лидеры. Интересно, что в какой-то мере им подыгрывали их противники, которые задним числом начали изображать свою деятельность как целенаправленную, «романтизировать» ее. Но хотя одни говорят: «Они вынашивали планы», а другие подтверждают это: «Да, вынашивали», историческая реальность более прозаична, а действия людей — менее сознательны. На каждом этапе люди думают о конкретных ближайших целях, но, пока отрицательный потенциал не израсходован, он заставляет при достижении этой конкретной цели, еще недавно представлявшейся пределом мечтаний, ставить следующую, более радикальную цель.

Кроме горстки диссидентов, никто в Эстонии в конце восьмидесятых годов не строил планов достижения независимости и «реставрации капитализма». Да и диссиденты думали об этом скорее мечтательно, без конкретного и реалистического плана. Самые знающие и прозорливые люди не предвидели, что коммунисты утратят власть, почти до того самого момента, когда это произошло. Но образ независимой «буржуазной» Эстонии лежал на дне души едва ли не каждого эстонца и рвался наружу, создавая не сознательную, «заговорщическую», а стихийную, бессознательную целенаправленность.

Эстонской революции предшествовал период значительной и всерасширяющейся свободы слова. Разумеется, никакой демократической, выборной борьбы за власть на том начальном этапе даже и не предвиделось. Это создало особые формы политической организации и особые формы политической мобильности.

Так как у политических организаций еще не было своего, независимого от партийной элиты пути прихода к власти, то они действовали или как организации «экспрессивные» (те из них, что являлись преемниками диссидентских групп), или как «группы давления» на верхушку. В это время «национально-либеральная» часть эстонской партийной элиты, опираясь, очевидно, на поддержку Москвы и используя давление новых организаций и движений, начала избавляться от «консервативной» части руководства и, расступившись, приняла в свои ряды лидеров новых движений.

Первыми, кто воспользовался возможностями, открытыми новой либеральной эпохой, были, естественно, диссиденты, которые еще в доперестроечное время объединились в «Эстонскую группу предания гласности пакта Молотова — Риббентропа». По мере того как уменьшался риск, связанный с подобного рода деятельностью, к ним тянулась молодежь.

Последняя серия арестов и приговоров диссидентам приходится на начало восьмидесятых. С 1985 года никого более не арестовывают, а еще через два года после прощения о помиловании была освобождена целая группа политзаключенных, давших обязательство отказаться от враждебной деятельности, и в их числе — Л. Парек и Т. Мадиссон. Оба они в том же 87-м году провели свою первую крупную акцию перестроечного периода — митинг в таллинском парке Хирве, посвященный годовщине пакта Молотова — Риббентропа. Впоследствии эта демонстрация будет рассматриваться в радикальной версии истории Эстонии той поры как акт, «пробудивший народ».

И действительно, акция вызвала немалый шум. Ее организаторы, выехавшие за границу, были приняты в Вашингтоне на «высоком уровне». Верховный Совет Эстонии специально разбирает этот вопрос и принимает даже обращение к Конгрессу США. Но деятельность диссидентов продолжается и становится по мере продвижения процесса либерализации в стране все активнее. Большой митинг по случаю годовщины независимости в начале 1988 года даже побуждает эстонское руководство организовать свой митинг протеста против «американского вмешательства» и деятельности диссидентов, на котором, между прочим, выступал и будущий лидер Либерально-демократической партии, а тогда либеральный руководитель Союза художников Э. Пылдроос.

В августе 1988 года диссидентские группы создают Партию национальной независимости. Во главе ее встают Л. Парек и художник А. Кокин (Сандер Сисе), дважды сидевший, в том числе — и за попытку перехода границы.

Создаются и другие группировки, например, Эстонское демократическое движе-

ние — 1988, главным пунктом программы которого является требование возвращения Эстонии небольших территорий, заселенных в основном русскими и отошедших к РСФСР после войны.

Эти группировки не участвуют в реальной борьбе за власть и даже, очевидно, не предполагают, что вскоре будут участвовать. Но это отнюдь не значит, что они не влияют на ход политического процесса. Кажется поразительным несоответствие количества бунтарей и того шума, который вокруг них создается, того страха, который они внушают. Что же это за страх перед группками в несколько десятков человек, которых можно в любой момент арестовать, совершенно не опасаясь «народного восстания»? Отчасти, конечно, это страх перед Москвой, перед гневом высшего руководства, которое может сказать: «Вот до чего вы довели республику», — и наказать виновных.

Но дело не только в Москве. У диссидентов на языке то, что у всех на уме. Так же, как они, думает подавляющее большинство эстонцев, вплоть до того же самого А. Рюителя. Страх перед радикалами-диссидентами — это страх перед людьми, думающими то же, что думаешь ты сам, но сидевшими в лагерях в то время, когда ты занимался комсомольской работой и поступал в аспирантуру. По существу либеральные круги не могут противопоставить радикалам-диссидентам ничего, кроме соображений «эффективности», всегда оставляющих место для моральных сомнений. И не только моральных, ибо можно усомниться, вправду ли не эффективно «выйти на площадь и громко сказать всю правду».

Без понимания этого отношения либералов к бунтарям мы никогда не поймем реальной роли диссидентов и Партии национальной независимости в политической истории «перестроечной» Эстонии. Формально в 1988 году с приходом к власти В. Вяляса и созданием Народного фронта четко и прочно утверждается официальная политическая раскладка: Народный фронт и «национально-либеральная» группировка — это центр, противостоящий двум противоположным крайностям — Партии национальной независимости и русским «интерам». Но такая раскладка не столько отражает действительное положение вещей, сколько политически выгодна. Отношение центра к Партии национальной независимости и «интерам» отнюдь не равнозначно. Если судить по фразеологии, то различия между либералами и «интерами» ничтожны, а между либералами и диссидентами — громадны. Но в начале перестройки слова еще почти не выражают подлинных чувств и стремлений. Что бы там ни говорилось, но в действительности «интеры» — враги и к тому же не конкуренты в той среде, мнение которой важно для эстонских политических деятелей, то есть в эстонской среде. Противостояние «интерам» даже помогает политике упрочить свое влияние. Иное дело — люди из Партии национальной независимости, перед которыми центр испытывает чувство вины и комплекс неполноценности. Они-то конкуренты, и либералы должны доказать эстонскому обществу, что стремятся к тем же целям, что и диссиденты, но используют иные — может быть, менее чистые, но более эффективные средства.

В тот ранний период перестройки большинство общественных движений провозглашали цели, абсолютно не совпадавшие со стоящими за ними идейными и политическими реальностями. Партия национальной независимости Эстонии — единственная группировка, в которой изначально совпадали слова, мысли и чувства. Однако она была слишком смелой и радикальной организацией, чтобы привлечь большое количество членов. Первыми действительно массовыми становятся движения, выдвигающие относительно безопасные и идеологически нейтральные лозунги. Это — движение «охраны памятников старины», оформившееся в Общество охраны памятников старины, и движение «зеленых». Эти формально провозглашенные цели лишь прикрывают истинные задачи обоих обществ. Как писал о «зеленых» М. Титма: «Можно сказать, это был первый случай, когда борьба шла под одним лозунгом, но подразумевала другие цели».

Общество охраны памятников старины, оформившееся в декабре 1987 года и возглавляемое Т. Веллисте, по своей политической ориентации наиболее близко Партии национальной независимости. И это понятно, потому что сама идея охраны памятников прошлого, тем более что речь идет о памятниках, разрушенных русскими и коммунистами, — прекрасный легальный выход для антирусских и антикоммунистических настроений. Именно Общество охраны памятников было основным популяризатором синечерно-белого флага, постоянно присутствовавшего на его мероприятиях. Постепенно деятельность Общества перерастает в деятельность уже не столько по охране, сколько

по установлению новых памятников — павшим в освободительной войне отрядам «лесных братьев», эстонцам, сражавшимся в дивизии СС, и так далее.

Второе столь же массовое движение — «зеленое», вспыхнувшее в 1986 году с громадной силой. Основной его лозунг — борьба с планами разработки открытым способом фосфоритных месторождений на севере и северо-востоке Эстонии. Экологическое положение Эстонии было и вправду тяжелым, но масштабы «зеленого» движения в 1987—88 годах нельзя объяснить только заботой о родной природе¹. Прежде всего это — легальный путь критики Москвы («произвола ведомств») и «антинационального» эстонского руководства и первый акт борьбы с русской миграцией, без которой строительство новых крупных предприятий, в том числе и разработка фосфоритов, невозможно. При этом антимосковски настроенная часть эстонской партийной бюрократии в своей борьбе за власть с «московскими ставленниками» К. Вайно и Б. Саулом начинает активно использовать экологические лозунги. Очевидно, не случайно, что еще до падения К. Вайно лидер экологов журналист Ю. Ааре становится делегатом XIX партконференции.

В этой обстановке экологическое движение становится все активнее, и его требования приобретают все более четкий политический характер. Летом 1988 года движение публикует воззвание, где говорится: «Требуем предоставить народу Эстонии реальный экономический, культурный и политический суверенитет! Требуем прекратить необоснованную миграцию и расширение производства! Требуем избрания нового руководства, которое будет считаться с волей народа и действовать в интересах Эстонии!» Правление движения экологов (против воли относительно умеренного и уже «кооптированного» элитой Ю. Ааре) приняло резолюцию о необходимости созыва внеочередного съезда, отставки правительства...

Но это пик, предельная точка политического влияния движения «зеленых». К 1989 году появляются признаки его упадка. Дело в том, что и охрана памятников, и экология — задачи, все же слишком косвенно относящиеся к сути дела. Для подлинно общенародного движения нужны были идеи и лозунги, пусть и не полностью адекватные реальным настроениям, выдвинутые с оглядкой, но все же имеющие прямое отношение к самому стержню эстонской антиофициальной идеологии — стремлению к независимости. И во главе такого движения должны были встать не энтузиасты частных проблем, а люди с прочным и независимым общественным положением, с достаточным весом и в правящей верхушке, и в широких массах народа. Люди из элиты эстонской интеллигенции. Этим движением стал Народный фронт Эстонии.

Первый толчок к созданию Народного фронта исходит от группы относительно молодых, энергичных, еще отнюдь не находящихся на первых ролях и готовых к определенному риску эстонских интеллигентов. Они взяли на себя организационные и «моторные» функции, на которые более старые и обремененные разного рода обязательствами представители интеллигентской элиты, очевидно, были не способны. Это — философ Э. Сависаар, экономист Т. Маде, социолог М. Титма и журналист С. Каллас, опубликовавшие в сентябре 87-го года в тартуской «Эдази» письмо с идеей «хозяйственной самостоятельности Эстонии» и сделавшие в ближайшие годы блистательные политические карьеры. Как говорил впоследствии М. Титма: «Эту идею тогда поддерживали многие, но рисковать не были готовы. Поэтому под текстом и стояло всего четыре подписи, — идеи носились в воздухе, и вопрос был лишь в том, кто сможет поступиться своим политическим благополучием, выразив идею... публично».

Идее этой было суждено сыграть колоссальную роль в истории Эстонии 1987—1990 годов. Она вполне в духе времени и выглядит относительно невинно. В самом деле, если провозглашена экономическая самостоятельность предприятий, почему не возможна экономическая самостоятельность Эстонии? Между тем эти идеи имеют совершенно разное значение. Самостоятельность предприятий — это перераспределение экономической власти, при котором не имеет значения, является ли министерство эстонским, а директор предприятия — русским или наоборот. Экономическая же самостоятельность Эстонии — идея прежде всего национальная. Основная цель перераспределения власти,

¹ Это очевидно явствует из того, что после победы эстонского национального движения экологическая проблематика оказалась отодвинутой на задний план. Вернулись даже к идее разработки фосфоритов, бессмысленность и губительность которой прежде убедительнейшим образом доказывалась во множестве речей и публикаций.

которую она предполагает,— это освобождение от власти Москвы. Как и в лозунгах «зеленых» и общества охраны памятников, здесь говорится об одном, а подразумевается другое.

Популярности этой идеи, безусловно, способствовало и то, что аббревиатура «экономически самостоятельная Эстония» по-эстонски звучит как «име», что означает «чудо». Однако «московский ставленник» и «стагнат» К. Вайно, скорее всего, был прав, когда говорил, что это «сырая идея, выдвинутая к тому же не учеными-экономистами, а социологами и журналистами». Впоследствии, когда «ИМЕ» начало воплощаться в жизнь, Эстония пришла к грандиозных размеров экономическому спаду (во многом поэтому создатели идеи «ИМЕ» стали позже так упорно подчеркивать, что это был только камуфляж национальной идеи). Но в то время эстонское национальное сознание никаких возражений против «ИМЕ» воспринимать не могло. Вскоре все эстонские ученые начали восхвалять «ИМЕ», что создало иллюзию предельной научной разработанности этой концепции всеми светлыми головами Эстонии при помощи светлых голов Москвы, Швеции и Финляндии. На Первом съезде народных депутатов СССР Горбачев в беседе с эстонской делегацией скажет: «У вас скоро появятся стихи о хозрасчете». На что академик В. Пальм ответит: «Хозрасчет — это религия сейчас».

Рейн Вейдеманн, один из лидеров Народного фронта, позже писал: «Теперь, наверное, всем ясно, что Народный фронт — этот тот спасательный круг, который народ сам для себя сделал и сам за него ухватился». И хотя в этой фразе много политической риторики, она правильно отражает элементы стихийности, «инстинктивности» в создании этого фронта. Недаром идея «фронтов» практически одновременно оформилась во всех Прибалтийских республиках и быстро распространилась из них в другие регионы. Что же сделало эту идею столь популярной, столь отвечающей духу времени?

На мой взгляд, это прежде всего соответствующая раннему периоду перестроечных процессов идейная и организационная неопределенность. Народный фронт в самом начале — воплощенная «двусмысленность». Он не противостоит партийной идеологии и даже сравнивается с разного рода народными и отечественными фронтами восточно-европейских стран (хотя очевидно, что при внешнем сходстве реальные функции и направленность эволюции здесь совершенно разные, даже противоположные). Но в то же время он создан не просто для поддержки партии, но именно для поддержки «курса партии на перестройку».

Народный фронт — не организация с четким членством, противостоящая другим партиям, и прежде всего коммунистической. В нем вообще не существовало членства. Во главе его вначале стоял «инициативный комитет», а его первичными организациями являлись спонтанно возникавшие «группы поддержки». Вместе с тем сразу же было провозглашено: в руководство фронта не могут входить руководящие партийные, профсоюзные и советские работники. Таким образом, под прикрытием поддержки «курса партии» создавалась организация с независимой иерархией.

Но основная двусмысленность позиции НФ Эстонии состояла в том, что, будучи создан как общедемократический союз, он был фактически не народным, а национальным фронтом. Впоследствии об этом много писали, усматривая в таком направлении «ошибки» лидеров фронта. Но очевидно, что никаких ошибок они не совершали. Как я уже не раз упоминал, стержнем «подпольной» эстонской идеологии были именно национальные проблемы, и эстонцы могли сплотиться лишь вокруг них. Национальное чувство было неизмеримо сильнее всех идеологических разногласий. Главной всегда была мысль о том, что эстонцы составляют в Эстонии большинство, а сплоченное большинство всегда может демократическим путем диктовать свою волю меньшинству. Национальные ценности и ценности демократии отнюдь не совпадают, но первые для большей части эстонцев стоят все-таки выше. Поэтому стать действительно массовой, более того — общенародной, общеэстонской организацией Народный фронт мог, лишь будучи по своей сути именно национальным.

В конце апреля бюро ЦК Компартии Эстонии, в котором, очевидно, начали в это время побеждать «национально-либеральные» силы, принимает решение «положительно отнестись к движениям, возникшим в поддержку политики партии по перестройке». Идеям Народного фронта дается зеленый свет, и в считанные недели он завоевывает Эстонию.

«ЭРА ДОБРЫХ ЧУВСТВ»

На старое высшее эстонское партийное руководство открыто давят новые общественные движения, а скрытно — «национально-либеральная» группировка партийного руководства и партийное руководство в Москве. Оно пытается «перестроиться», пожертвовав отдельными, наиболее одиозными фигурами, и создать себе новый, «прогрессивный» имидж. В январе 88-го года на VII пленуме ЦК уходит в отставку секретарь по идеологии Р. Ристлаан, которого К. Вайно объявил «лично ответственным» за все идеологические неурядицы. На его место пришел И. Тооме, относительно молодой (год рождения — 1943), но прошедший всю традиционную партийную карьеру: комсомол, Таллиннский горком партии, Совмин... Начался и процесс включения в партийную верхушку активных либеральных интеллигентов. В числе делегатов от Компартии Эстонии на XIX партконференцию — лидер экологов Ю. Ааре, академик М. Бронштейн и глава Союза художников Э. Пылдроос. Фактически уже при К. Вайно были приняты все основные требования правлений творческих союзов и Народного фронта.

Но отступление и несколько судорожные попытки «перестроиться» не спасли К. Вайно — «русского эстонца», очевидно, изолированного в партийной верхушке. В течение двух недель после IX пленума ЦК КПЭ в эстонских и московских «коридорах власти» развернулись события, конкретный ход которых мне совершенно не известен, но смысл которых достаточно очевиден. И. Тооме, А. Рюитель и ряд других руководителей второго эшелона, «настоящие эстонцы», совершили «государственный переворот». На X июньском пленуме ЦК Компартии Эстонии, на котором присутствует Н. Н. Слюньков, К. Вайно снимается с должности и в соответствии с установленной традицией направляется на дипломатическую работу. Первым секретарем ЦК становится «настоящий эстонец» В. Вяляс, бывший до того послом в Никарагуа.

Уже самые первые официальные заявления Вяляса показывают, что ЦК КПЭ полностью поворачивается к Народному фронту и национально-либеральной интеллигенции. На пресс-конференции эстонских делегатов XIX партконференции В. Вяляс говорит: «Народный фронт... это не какая-то оппозиционная партия или движение, что-то такое, что не входит в рамки нашей политической системы. Возглавляют это движение коммунисты».

Новый курс окончательно закрепляется на XI сентябрьском пленуме ЦК. В докладе В. Вяляса — полная и безоговорочная поддержка всех идей Народного фронта, о котором говорится, что «предпринимаемые им до сих пор шаги подтверждают внутреннюю культуру и дисциплину, его готовность к подлинной демократии». Вся народнофронтовская программа фактически становится официальной партийной программой. Выдвигается общий принцип — нельзя предпринимать никаких действий, «если при этом игнорируются... национально-этнические последствия для эстонцев». При этом возникающее среди русскоязычного населения «интернациональное движение» объявляется враждебной партии силой. Несмотря на четко национальный характер и программы Народного фронта, и той программы, которую сам В. Вяляс выдвигает на пленуме, в его докладе говорится: «Ни одно чисто национально ориентированное движение не должно получать поддержку коммунистов, какое бы звучное название оно ни носило, вплоть до интернационалистического». Четко говорится в докладе и о мерах по «перераспределению власти» в партаппарате в пользу интеллигентской верхушки, намеченных в платформе к XIX партконференции.

И это перераспределение власти происходит тут же, на глазах. Среди выступающих на пленуме — Ю. Ааре, Э. Сависаар, Э. Пылдроос. Академик Б. Таам становится членом бюро ЦК, а Э. Пылдроос вообще совершает немислимую партийную карьеру. За один день он из кандидатов в члены ЦК становится членом ЦК и тут же членом бюро ЦК.

Процесс смены руководства идет и дальше. Происходит ряд замен в ЦК. Однако если в Центральный комитет партии можно кооптировать, то с Верховным Советом дело обстоит сложнее. Тем не менее и здесь находят возможности допуска к власти национально-либеральной интеллигентской элиты. При председателе Президиума Верховного Совета А. Рютеле создаются рабочие группы по подготовке нового законодательства, куда включаются и народнофронтовские лидеры. Но делается еще более интересный ход.

В Верховном Совете ЭССР отказываются от своих полномочий доярка Маарика Кристманн и телятница Ээви Кийк, а затем еще два рабочих-депутата — случай в истории

СССР беспрецедентный,— и на эти места на дополнительных выборах избираются Э. Пылдроос, Ю. Ааре, Э. Сависаар, В. Вяляс.

Смена руководства происходит и на низшем уровне.

Приход к власти В. Вяляса знаменует начало относительно недолгой «эры добрых чувств». «Сложилось невиданное в нашей истории единодушие»,— говорит Э. Сависаар. Народнофронтовцы не жалеют слов для выражения симпатий новому руководству. «Впервые за многие десятилетия КПЭ стала пользоваться доверием большинства эстонцев»,— пишет Х. Вайну. Программа В. Вяляса и программа Народного фронта совпадают, и, очевидно, возникла даже наивная идея, что последнему следовало бы формально признать руководящую роль партии.

Но в Народном фронте после июньского пленума отнюдь не возникает тенденция к упадку. Прежде всего — потому, что, какое бы хорошее руководство ни пришло в КП, все-таки это коммунистическая партия, в которой половина членов — русские, которая подчинена Москве и которую слишком сковывает марксистско-ленинская идеология, чтобы можно было ожидать, что она превратится в эстонскую национальную партию. Кроме того, уже сложилась группа людей, чей статус непосредственно связан с Народным фронтом, для которых влияние и мощь самого фронта — это их личные влияние, статус, власть. И если для Титма и Пылдрооса известность, приобретенная ими в движении, вылившемся в создание Народного фронта, стала трамплином для перехода в партийную иерархию, то Сависаар и Лауристин прочно связывают себя с Народным фронтом. Вокруг них складывается то, что Э. Корнэл — один из народнофронтовцев — в статье в «Рахва Хяэль» назвал народнофронтовской «перестроечной элитой». Отчасти она совпадает с интеллигентской элитой, и лидеры Народного фронта стремятся максимально привлечь в свою организацию всех видных эстонских интеллигентов. Но в Народном фронте существует и своя, довольно прочная элита руководства, группа тесно связанных друг с другом лиц, образующих своего рода «правлящую олигархию».

В руках лидеров Народного фронта сосредотачивается колоссальная власть. Они контролируют прессу и телевидение, все творческие союзы. Под их влиянием культурные общества эстонских «нацменьшинств». Возникают эстонские организации, в дальнейшем достаточно самостоятельные и дистанцирующиеся от Народного фронта, но в тот период теснейшим образом с ним связанные и выступающие как бы его «приводными ремнями»: Совет трудовых коллективов Эстонии, объединяющий руководство «эстоноязычных» предприятий, и Аграрный союз.

Фактически сплачиваются две руководящие группы — в ЦК КПЭ и в Народном фронте, переплетенные между собой личными связями и имеющие общую программу действий, которую они и начали претворять в жизнь. Ее можно определить как программу борьбы за Эстонию, в которой эстонцы доминировали бы во всех сферах жизни настолько, насколько это возможно (что означает — прекращение миграции, создание условий для реэмиграции и эстонизацию русского населения), и настолько независимую, насколько это возможно (о полной независимости речь в этот период еще не идет).

Важнейшей мерой по «эстонизации» Эстонии и «обузданию» русскоязычных явилась разработка Закона о языке, основную задачу которого Э. Пылдроос, ответственный за эту разработку в Верховном Совете ЭССР, сформулировал так: «Эстония должна стать охранной зоной для эстонского языка и эстонской культуры». Закон среди прочих мер по охране языка определял должности, для занятия которых обязательным требованием является двуязычие (знание и эстонского, и русского), и сроки, в течение которых занимающие эти должности должны выучить язык. Закон создавал перспективу относительно быстрой и основательной «эстонизации» или же — не менее приятную для эстонцев — перспективу реэмиграции тех, кто язык не выучит. Начали обсуждаться законы о гражданстве, о миграции и другие. Все они обсуждаются в группах при Президиуме Верховного Совета без какого-либо участия русских. Официально возрождается старая «досоветская» символика — флаг и герб, вначале как «национальные», существующие наряду с государственными.

Рано или поздно все это должно было привести к конфликту — и с русскими в Эстонии, и с Москвой. Первая «законодательная стычка» с Москвой возникла из-за проекта поправок и дополнений к Конституции СССР. Ее повод очень характерен для ситуации поднимающейся «революционной волны», когда то, что еще год назад было громадным достижением, начинает казаться шагом назад. Проект создавал реальное разграничение власти центра и республик и был несомненным шагом вперед

в расширении реальных прав республик. Но по отношению к тем формальным правам, которые были зафиксированы в сталинской и брежневской конституциях и которыми, естественно, республики никогда не пользовались и пользоваться не могли, он был шагом назад.

Организуется грандиозная кампания по сбору подписей под протестом против проекта, который подписало практически все взрослое эстонское население. А вскоре внеочередная сессия Верховного Совета Эстонии принимает «Декларацию о суверенитете» и «Закон о внесении изменений в Конституцию СССР», согласно которым общесоюзные законы вступают в действие лишь при их одобрении Верховным Советом Эстонии.

Русское население взбудоражено эстонским «наступлением», и атмосфера в Эстонии все более накаляется. Вмешательство Москвы становится неизбежным. Президиум Верховного Совета СССР объявляет Декларацию противоречащей Конституции СССР и недействительной. Это первое законодательное столкновение Эстонии и Москвы и одновременно — конец недолгой «эры добрых чувств»; начинаются конфликты Народного фронта и нового «либерального» партийно-государственного руководства.

Глава эстонских коммунистов В. Вяляс на пленуме ЦК пытается поставить на место народнофронтовцев. Но попытка эта ни к чему не привела. Партийные лидеры все еще в какой-то мере живут в старом мире, действуют по старым правилам игры, по которым в конечном счете все решает ЦК. Но на самом деле возник уже новый мир. Разворачивается первая в истории Советского Союза кампания демократических выборов на съезд народных депутатов, и впереди маячат новые кампании, в том числе и самая важная — выборы в Верховный Совет самой Эстонии. А это означает, что меняются механизмы прихода к власти. Давление на «верх», установление с ним связей и кооптация в органы власти — все это методы уходящей эпохи. Судьбу политика начинают решать настроенные антикоммунистически и антирусски избиратели, для которых ЦК — не указ. В эстонской политической жизни кончается «эпоха гласности» и начинается новая эра борьбы политических сил за голоса избирателей.

Все эти идейные метаморфозы, имеющие к эстонским русским самое прямое отношение, до них самих доходят с опозданием. Прежде всего — из-за незнания языка. Эстонцы рады возможности свободно обсудить свои проблемы, но отнюдь не стремятся к тому, чтобы их слышали и понимали ненавистные «мигранты». Примечательно, что, когда эстонские деятели, выступающие по телевидению в дискуссиях, слишком уж расхотелись, ведущие нередко останавливали их: «Не забывайте, что некоторые русские знают эстонский язык!» Наиболее острые антирусские статьи не переводились. Однако даже относительно сдержанные публикации деятелей эстонского национального движения на русском языке полны ненависти к «мигрантам», накапливавшейся годами и теперь прорвавшейся. Эстонцы как бы постоянно одергивали и друг друга, и самих себя, но бурлящие в них чувства вырывались наружу даже тогда, когда сознательно говорилось нечто «хорошее и доброе» по поводу «русскоязычных». Зачастую это звучало оскорбительно, а в непрестанном сдерживании эмоций ясно звучал призыв: «Не надо быть такими откровенными, не надо зря раздражать».

Но и того, что доходило до русских, было вполне достаточно, чтобы возбудить страх. Хватало уже того, что новый секретарь ЦК по идеологии М. Титма провозгласил приоритет коренной нации высшим политическим принципом, а официальной политической целью стало достижение реэмиграции.

Русское население Эстонии не было, на мой взгляд, изначально специфически «реакционным». И утверждение Э. Сависаара в докладе на первом съезде Народного фронта, что «ностальгия по Сталину... близка сердцу определенных чиновничьих кругов и, к сожалению, значительной части русского населения», — это, очевидно, пропагандистский ход. Никаких доказательств в пользу этого тезиса нет (разве что можно считать «сталинизмом» приверженность к единству Союза). По социальному составу, интересам и «потенциальной» идеологии русские Эстонии не слишком отличаются от населения промышленных областей России. Но ситуация, в которой оказались эти люди, весьма отличалась от российской. Они вдруг, неожиданно для себя увидели перед собой сплоченное большинство эстонцев, глубоко им враждебное и практически не скрывающее своего стремления от них избавиться. «Русскоязычные» не могли ни примкнуть к ходу политического процесса в Эстонии, ни идти в русле российского, развивавшегося в совершенно других условиях. Они должны были в очень сложной политической и психологичес-

кой ситуации искать свои пути, выработать свою позицию. И это было тем более трудно, что в русской общине, как мы уже говорили, крайне слаба прослойка гуманитарной интеллигенции. Поэтому ее реакция на эстонские процессы все время запаздывала, была неадекватной, противоречивой и зачастую истерической.

Приблизительно до середины 1988 года в русской общине господствует общая для того времени перестроечная эйфория. Идеи «ИМЕ», необходимости развития эстонского языка и культуры и даже ограничение миграции принимаются большинством «русскоязычных». Они присутствуют даже в программных документах организаций, являвшихся уже порождением русскоязычной реакции. Но по мере того, как антимосковская и антимигрантская направленность деятельности Народного фронта, а затем и вялясовского ЦК становилась все более очевидной, русскоязычная община начала «пробуждаться». При этом часть ее совершила выбор в пользу эстонцев и примкнула к Народному фронту. Это наиболее видные представители «статусной» интеллигенции, которые культурно и психологически ближе стоят к эстонской интеллигентской элите, чем к русским рабочим и инженерам. К ним относится, к примеру, известный тартуский филолог Ю. Лотман, ставший затем эстонским академиком. В этих же рядах и та часть диссидентски настроенной молодежи, которая питала настолько глубокую ненависть к советской тоталитарной системе и всему строю жизни в СССР, что приветствовала перспективу отделения Эстонии как некий эквивалент эмиграции — возможность, не предпринимая никаких сложных действий, оказаться за границей, на Западе.

Но эта часть общины — невелика. В основной же ее массе, и прежде всего в Таллине, где национальный конфликт разворачивается наиболее остро (на Северо-Востоке, где большинство населения — русские, ситуация более спокойная), летом 1988 года идет брожение. На крупных таллинских предприятиях проходят митинги и собрания, на которых раздается критика Народного фронта. Из этого брожения возникают две мощные организации, ставшие центром «русской оппозиции».

Первая из них — самая ненавистная для эстонцев — это Интернациональное движение трудящихся Эстонии, инициативный комитет которого был создан группой таллинских инженеров, среди которых выделяется хороший оратор и полемист Е. Коган. Причем вначале Интердвижение было задумано как организация, даже не противостоящая Народному фронту, а как бы дополняющая его.

Но для Народного фронта Интердвижение — это конкретное воплощение угрозы существованию нации. Это поднявший голову «мигрант», грозящий поглотить Эстонию. Поэтому на Интердвижение начинает обрушиваться поток обвинений, никаких оснований не имеющих. Их называют сталинистами, черносотенцами, вариантом «Памяти». По отношению к «интернацистам», как их стали называть, не действуют никакие правила приличия и научной добросовестности, и даже крупный ученый Ю. Лотман может кинуть такую фразу: «Пресловутое общество «Память» и его сторонники в Прибалтике («Интердвижение») играют чрезвычайно негативную роль». (Это говорится про организацию, во главе которой стоит еврей.)

И поскольку от заговора не свободны и либеральные интеллигенты, возникает идея, что Интердвижение — лишь орудие в руках каких-то тайных страшных сил. Естественно, что никакого диалога с ним и быть не может. О степени отчужденности, в какой оказалось Интердвижение, говорит следующий поразительный факт — когда в Эстонию прибыл видный эстонский эмигрант калифорнийский профессор Рейн Таагепера, «интеры» обратились к нему с просьбой быть посредником между ними и Народным фронтом.

Вначале лидеры Интердвижения, очевидно, предполагали занять в обществе Эстонии положение, «симметричное» Народному фронту. Но этого не получилось. Новое партийное руководство так же, как и национал-радикалы, видело в них воплощение зла. Интердвижению вначале не дали даже опубликовать их программу. Новый, либеральный секретарь ЦК М. Титма выразил по этому поводу так: «Образно говоря, это — попытка объединить так называемых лимитчиков и на основе их групповых интересов проводить великодержавную политику... Поэтому я считаю, что ЦК партии поступил правильно, не дав в руки экстремистски настроенным эстонцам повода, каковым обязательно послужила бы публикация такого рода».

Перспектива стать такой же «респектабельной» организацией, как Народный фронт Эстонии, оказывается абсолютно нереальной. Интердвижение превращается в организацию-изгой. И не только для Эстонии, но и для России, где все усиливается либерально-

ДМИТРИЙ ФУРМАН. Эстонская революция

западническое направление, воспринимающее Эстонию как «передовой рубеж перестройки» (что естественно для самой «западной» республики). Российские либералы видят в русских противниках Народного фронта Эстонии реакционеров и оружие в руках «темных антиперестроечных сил». В этой ситуации естественна эволюция идеологии и фразеологии Интердвижения. Его лидеры от абстрактно-либеральной «перестроечной» риторики, практически идентичной народнофронтонской, переходят к своеобразному сочетанию популистской антибюрократической и антиинтеллигентской риторики с «фундаменталистской» советской фразеологией.

Соответственно в том же направлении меняется и тактика политической борьбы. «Интеры» вынуждены избрать путь апелляции к центру, к Москве и внепарламентских методов борьбы — митингов, а затем и забастовок, цель которых — накалить обстановку и заставить Москву вмешаться. Интердвижение все более на самом деле начинает напоминать тот злобный образ, который был изначально создан народнофронтонским мифотворчеством.

ПРЕДПАРЛАМЕНТСКАЯ ЭПОХА

Выборы народных депутатов СССР принесли значительную победу Народному фронту. В народные депутаты, кроме представителей «русскоязычных» районов, прошла группа беспорных лидеров (В. Вяляс, А. Рюитель и И. Тооме получили чуть менее ста процентов голосов каждый) и большинство народнофронтонских кандидатов, которым проиграл ряд крупных чиновников. Начинается новая эпоха политической жизни со своей внутренней логикой. До выборов популярность в народе была лишь поддержкой на пути вверх, а само продвижение зависело прежде всего от «верхов» — от партийного руководства. Теперь нужно лишь одно — победа на выборах. А это означает радикальное изменение всего характера политической борьбы.

Только с этого времени кончается балансирование между настроениями народа, правящей верхушки и Москвы, система эзопова языка... Начинается апелляция к эмоциям массы, к ее глубинным идейным и психологическим комплексам. Выигрывает тот, кто смелее, кто скажет резче и громче то, что раньше говорилось шепотом, кто найдет что-то новое, еще не сказанное. Фактически в это время происходит действительная революция, радикально и необратимо изменившая за полтора года характер эстонского общества.

Весь политический спектр стремительно сдвигается по все более радикальным направлениям. К 1990 году фактически весь набор идей Партии национальной независимости Эстонии (незаконность «оккупации» и ее последствия) входит в официальную риторику и в какой-то мере реализуется в официальной политике. Общество целиком сдвигается в направлении радикализма.

Одновременно происходит «развал консенсуса», установившегося с приходом к власти В. Вяляса. Теперь поддержка ЦК компартии, прежде так необходимая Народному фронту, становится ненужной и даже вредной, ибо при всей популярности В. Вяляса, А. Рюителя и других лидеров коммунистическая партия стала более чем непопулярной. Более того, непопулярна она и среди самих коммунистов, подавляющее большинство которых, как показали события, состояли в ней исключительно из карьерных соображений. Поэтому, когда дело дошло до ситуации, при которой судьбу политика начинает решать избиратель, выгодным становится максимально дистанцироваться от всего коммунистического. С этого времени начинается ускоренное разложение Компартии Эстонии.

Но развал «консенсуса» 1988 года связан не только с этими обстоятельствами; Как я уже говорил, Народный фронт — порождение весьма специфических условий начала перестройки. Его мощь связана как раз с двусмысленной ситуацией «консенсуса», с его положением «полуопозиции». Отстранение от компартии, переход к демократической борьбе за власть ослабляют фронт. В нем усиливаются центробежные тенденции. Ему все больше угрожает возглавляемый Партией национальной независимости радикальный блок, который не принимает участия в «недемократических псевдовыборах в парламент чужого государства», но активно включается в борьбу за власть в Эстонии.

Возвращение национального знамени — флага Эстонской Республики, который по решению Президиума Верховного Совета был торжественно поднят в конце февраля

89-го года на «длинном Германе», имело колоссальное символическое значение и вызвало острую реакцию «русскоязычных» коммунистов. Вместе с тем весьма враждебно отнеслись к этому событию и те, кто стоял на позициях Партии национальной независимости. Для «интергов» это — надругательство над красным флагом, для национал-радикалов — осквернение черно-сине-белого. Последние, несомненно, никогда и вообразить себе не могли, что национальный флаг будет поднят руками партийной элиты — тех самых людей, которые еще полтора года назад голосовали за резолюции протеста против того, что диссидентов принимают в Вашингтоне. И нет ничего удивительного в том, что они не могут поверить в реальность происходящих изменений.

Позиция радикалов остается инерционно-революционной. И хотя обстановка вокруг меняется на глазах, для них все выглядит по-прежнему: выборы народных депутатов — комедия, в которой они не участвуют, коммунисты остаются коммунистами, а Эстония — оккупированной страной. При этом создается впечатление, что в их позиции наряду с моральным ригоризмом и идейным догматизмом есть и нечто от стремления сохранить привычное и ставшее психологически удобным положение «гонимых, преследуемых».

Но время работает на радикалов, выводя их из «вечной оппозиции» и подталкивая к борьбе за власть. По мере того как возможность независимости становится все реальнее и переходит из области мечты в область осознанных и громко провозглашенных целей, одновременно растет и популярность тех, кто всегда требовал независимости. Сейчас, когда всякий политик изобретает все мыслимые и немыслимые способы представить себя в прошлом «гонимым старым режимом», у них в этой сфере нет соперников. Но вместе с тем общественность все менее склонна считать их утопистами. Опросы показывают, что с конца 88-го года по конец 89-го популярность среди эстонцев Партии национальной независимости неуклонно растет.

Кроме того, в среде радикалов складывается идея, позволяющая им перейти к борьбе за власть на своих условиях, сохранив положение принципиальной, «революционной» оппозиции. Идея — проста и ясна. Поскольку оккупация Эстонии и все ее последствия — незаконны, правопреемником Эстонской Республики может быть лишь Конгресс Эстонии — орган, выражающий волю ее бывших граждан и их потомков. Таким образом, необходимы регистрация граждан и проведение выборов в Конгресс. Мигрантам оставляется лишь право просить об эстонском гражданстве, и до восстановления независимости они регистрируются как «просители», имеющие на Конгрессе право совещательного голоса.

Идея комитетов граждан вызвала ужас у правящей национально-либеральной верхушки. Однако они были созданы, быстро распространились во всей Эстонии, постепенно зарегистрировали большинство тех, кто «имел на это право», и начали подготовку к выборам в Конгресс. В конце концов в предвыборную кампанию включились все политические силы эстонцев, фактически признав стоящую за идеей Конгресса Эстонии логику, признав правоту радикалов и пойдя за ними.

1989 год — время бурного процесса создания в Эстонии политических партий. Возникло их множество — точное число мне выяснить не удалось; некоторые известны мне только по названию (да и сами эстонцы о них совершенно ничего не знают). Количество членов в каждой из них исчислялось порой даже не сотнями, а десятками человек. Партии слабые, зачастую эфемерные, без какой-либо массовой опоры. С чем же связан их бурный рост?

Прежде всего, разумеется, с тем, что создание партий стало возможным и безопасным. Компартия распадается и отказывается (и в масштабах Эстонии, и СССР в целом) от монополии на власть. Теоретически это могло бы привести к усилению Народного фронта и перекачке в него сил из Компартии Эстонии. Однако этого не произошло. Думаю, тому есть две причины. Во-первых, это стремление различных политических деятелей полностью перечеркнуть свое коммунистическое прошлое, создать себе в глазах избирателей совершенно новый образ. Во-вторых, это усиление конкурентной борьбы, расшатывающей и весь эстонский «консенсус», и народнофронтское единство, хрупкое и не спаянное прочной партийной дисциплиной. И если бы кто-то решил выступить на выборах как бывший коммунист и нынешний член Народного фронта, то это и не зачеркнуло бы его прошлого, и вместе с тем ничем не выделило его из толпы соперников, состоящей из бывших членов КП и народнофронтцев.

Иное дело — заявить о своей принадлежности к какой-то новой, с ярким и респектабельным названием партии. Это сразу выделяет тебя из массы, делает заметным

ДМИТРИЙ ФУРМАН. Эстонская революция

и прибавляет к твоему личному авторитету еще и авторитет этого названия. Особенно если это название партии, которая имеется в каждом «приличном европейском государстве», скажем, в независимой демократической Германии или Швеции, и, стало быть, должна существовать и в независимой демократической Эстонии. Объявив о создании такой партии, ты прочно «застолбляешь» для себя место в эстонской политике и, что немаловажно, можешь претендовать на место в международном сообществе подобных партий (со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями). На рынок выбрасывается товар с самыми разными «европейскими» этикетками, что далеко не всегда означает, что содержимое отличается одно от другого.

К сожалению, нет возможности познакомить читателя со всем пестрым спектром этих новых партий, в какой-то мере отодвинувших Народный фронт на задний план. Во всем этом процессе очень много личного. Эстония — маленькая страна, где все знают друг друга и где поэтому много значат личные привязанности, обиды, антипатии, которые сразу же принимают политическую и идеологическую форму. В этом было нечто маскарадное, «карнавальное». И наиболее остроумные люди осознавали эту карнавальность и даже пародировали ее. Так в конце 1990 года, когда пик бурного создания партий уже прошел, возникла Эстонская роялистская партия, привлекавшая около двухсот членов, что по тамошним масштабам совсем не мало. Ее лидер, тартуский математик К. Кулбоху, утверждал, что, несмотря на то, что вероятность установления монархии в Эстонии — 0,0001 процента, она все же выше, чем вероятность коммунизма. «Мы не хотим, — заявил он, — чтобы нашу партию воспринимали очень серьезно. И без того достаточно сверхсерьезных группировок... Хорошо, если нам удастся иногда разрядить обстановку».

Все процессы создания новых партий и организаций идут на фоне стремительного распада Компартии Эстонии, начавшегося именно тогда, когда к власти приходит «национальное» и «прогрессивное» руководство, «повернувшееся лицом к народу». Именно в этот период, когда в воздухе еще звучит лозунг о единстве партии и народа, начинается выход из партии, прежде всего эстонцев, который в 1989 году принимает обвальный характер. Звучат одно за другим гротескные «прозрения», давно уже переставшие вызывать сенсацию. Партия разваливается на глазах, хотя возможность ее ухода с политической арены все еще кажется немыслимой.

В этой ситуации, чтобы как-то сохраниться в качестве политической силы, во всяком случае среди эстонцев, компартии необходимо было обрести то, чего у нее никогда не было и быть не могло, — свое специфическое лицо, свою идеологию, которые могли бы привлечь какую-то группу избирателей. Но найти их было крайне сложно.

Естественной для КПЭ (я говорю об эстонской ее части) являлась идеология умеренно «консервативная» и умеренно же «прогрессивная», непосредственно вытекающая из настроений руководства партии и положения, в котором оно оказалось. Но чтобы занять место консерваторов в эстонском политическом спектре, коммунистам надо было отринуть все свое прошлое, всю свою символику. Это было нереально. Кроме того, чтобы стать «нормальной» консервативной партией, КПЭ нужно было размежеваться с Москвой и русской своей частью, имевшей совсем иные стремления и идеологию. Но это означало утратить свое особое назначение «моста» между Эстонией и Москвой, эстонцами и русскими. А ведь постоянное напоминание об этой миссии стало едва ли не основным средством борьбы эстонской компартии за выживание.

Роль «моста» и «связующего звена» сохраняли до последнего и ценой каких-то немыслимых компромиссов все-таки сохранили. Но с каждым месяцем, по мере того как в самом центре власть КПСС становится все более призрачной, мост этот становится все более шатким и все менее нужным кому-либо. Да и для самой партийной верхушки партия стала не так уж и нужна. Те, кто не убежал сломя голову создавать какую-то новую партию, нашли элегантный способ отстраниться от компартии, не порывая с ней: они создали союз «Ваба Ээсти» («Свободная Эстония») — не партию, требующую от своих членов выхода из других политических организаций, а именно «объединение», «Демократический избирательный союз» с платформой, название которой прекрасно отражает ее идеологию: «Терпимость, компетентность, сотрудничество». «Ваба Ээсти» как бы перехватывает у компартии ее реальную идеологию, и у КПЭ остается функция «в чистом виде».

НАЧАЛО ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЭПОХИ

Выборы в Верховный Совет Эстонии знаменуют собой начало новой стадии в эволюции эстонской политической жизни. К началу 1990 года все уже сказано. Смелостью высказываний и символических действий больше никого не удивишь. Более того, если раньше смелость заключалась в отказе вступить в Компартию Эстонии, затем в выходе из нее, то нынче нужна была определенная смелость, чтобы остаться коммунистом. И одно-временно свободные выборы приводят к власти новых людей.

Возникает принципиально новая ситуация. Если раньше движение политического деятеля к власти зависело исключительно от соответствия его слов глубинным убеждениям и чаяниям масс, то теперь впервые начинает приобретать значение эффективность его действий.

Но это происходит лишь очень медленно и постепенно. Переход от революции к «спокойной» политической жизни, от праздника к будням — процесс психологически тяжелый и болезненный. Первое время после смены власти еще продолжается инерция радикализации, фактически ставящая Эстонию на грань гражданской войны.

В начале 1990 года в Эстонии сложилась очень неустойчивая ситуация «троевластия» выборных органов с неясными взаимоотношениями, каждый из которых в какой-то мере претендует на полноту власти в стране.

Прежде всего это — впервые демократически выбранный Верховный Совет из 105 депутатов (100 — выбранных гражданским населением и 5 военных). По социальному составу он весьма интеллигентен. Но в нем доминируют люди, выдвинувшиеся речами на митингах и статьями в газетах и сохранившие тенденцию превращать и сам парламент в подобие митинга, в место для произнесения ярких речей, рассчитанных скорее на телезрителей, чем на коллег. Проблема кворума в Верховном Совете стоит очень остро. Как истинно советские люди (эстонцы здесь очень мало отличаются от русских), депутаты могут пропустить любое, самое важное заседание, если открывается перспектива совершить поездку в Швецию. Депутатский корпус политически очень поляризован, и многие депутаты (и эстонцы радикалы, и некоторые русские) вообще сомневаются в правомочности Верховного Совета, который они рассматривают как какое-то временное, переходное образование (или к нормальному парламенту свободной Эстонии, или к «нормальной» советской власти). Но мало того, что Верховный Совет слаб изнутри, низок и его общественный авторитет. Он попал в клещи, его сжимают с двух сторон.

«Справа» от него — Конгресс Эстонии и избранный им Комитет Эстонии во главе с Т. Келамом. Едва собравшись, конгресс сразу же объявил себя правопреемником Эстонской Республики, без согласия которого любые акты, касающиеся судьбы Эстонии, неправомочны.

«Слева» — созданный «русскоязычными» депутатами Комитет по защите советской власти и гражданских прав.

Таким образом, возникли три центра силы (а если прибавить сюда московское правительство и местные Советы, которые в этой ситуации далеко не всегда подчинялись кому бы то ни было, то этих центров окажется еще больше) — ситуация, чреватая анархией и гражданской войной. Какие сложились отношения между этими силами?

Лидеры конгрессистов занимают по отношению к Верховному Совету жесткую позицию собственного «правового превосходства». Они считают его переходным органом на переходный период — до конца оккупации. Он может заниматься мелкими хозяйственными вопросами, но все, что касается судеб Эстонии, должно согласовываться с конгрессом, имеющим безусловное право вето. Господствующие в конгрессе национал-радикалы продолжают вести ожесточенную антикоммунистическую пропаганду, приобретающую истерический характер.

Летом 1990 года одна за другой следуют «символически провокационные» акции. В июле Общество охраны памятников старины созвало в поселке Тори съезд эстонцев — участников войны на стороне Гитлера. Можно представить, какую это вызвало бурю негодования, и прежде всего у ветеранов войны, которых как раз к этому времени таллинский горисполком лишил всех льгот. Начались какие-то неопределенные передвижения советских войск на территории Эстонии. Эти маневры привели в панику правительство, которое официально заявило, что на Тори идет колонна советских танков, и добилось отмены съезда, после чего последовало заявление командования

ДМИТРИЙ ФУРМАН. Эстонская революция

Прибалтийского военного округа о том, что велись обычные учения, а танков вообще не было.

В начале августа члены возрожденной военизированной организации «Кайтселийт», объявившей о своем подчинении конгрессу, убрали в Тарту памятник Ленину, вымазали его краской и повесили на шею изваянию табличку с надписью «Коммунизм равен фашизму». В начале сентября кайтселийтчики установили пограничные столбы вдоль старой эстонской границы на территории РСФСР.

Таким образом, на правительство и Верховный Совет оказывалось мощнейшее давление. Они были поставлены перед выбором: или продемонстрировать свою патриотичность и готовность бороться за свободу Эстонии, пусть и мягкими методами, или же «показать народу свою сущность» оккупационных органов, прислужников Москвы.

И парламент, и правительство уступили, тем более что большинство эстонских депутатов в той или иной мере разделяли основные принципы конгрессистской идеологии и сами были не очень-то уверены в своей правомочности.

В марте 1990 года Верховный Совет принял постановление «О государственном статусе Эстонии», гласящее, что советская власть незаконна с самого момента ее установления, что восстанавливается Эстонская Республика и государство вступает в переходный период, ведущий к полной независимости. Отныне законы СССР действуют в Эстонии лишь в случае регистрации их Верховным Советом. (М. Горбачев издал указ о незаконности этого постановления, что еще года полтора назад было бы воспринято как серьезный конституционный кризис, но на этот раз его, можно сказать, и не заметили.) Одновременно принимается декларация, в которой «Верховный Совет признает конгресс Эстонии в качестве представительного органа граждан Эстонской Республики и восстановителя государственной власти Эстонской Республики на основе правовой преемственности». Вслед за этим приняты: закон, окончательно уничтожающий советскую и восстанавливающий старую символику; закон об основах временного управления Эстонией, согласно которому отношения с СССР должны строиться на основе Тартуского договора 1920 года; и наконец, документ уникальный, должно быть, в мировой парламентской практике — «Постановление о программе деятельности на переходный период», в котором Верховный Совет обязуется все свои действия в вопросах, связанных с государственностью Эстонии, согласовывать с конгрессом и образованным им Комитетом Эстонии.

Итак, правительство и эстонское большинство Верховного Совета склонились под давлением конгресса, с самого начала сдав ему важнейшие позиции. Если прибавить к этому постоянное, хотя и бесплодное обсуждение закона о гражданстве (то есть фактически вопроса о том, какую часть русских лишить гражданства), резкое падение жизненного уровня, неясность судьбы союзных предприятий и общую неопределенность, связанную с предполагаемым возвращением имущества старым владельцам, то нетрудно представить, в какой психологической обстановке оказались местные русские. Ясно, что «красная Вандея» должна была ожесточенно сопротивляться.

Сопrotивление шло по двум разным, хотя и взаимодействующим друг с другом направлениям, обусловленным различным положением русских в Таллине и в городах Северо-Востока.

В Таллине ситуация была самой напряженной. Здесь ощущалось особо сильное давление эстонской антимигрантской волны. Именно поэтому столица стала основной базой Интердвижения — наиболее решительной и агрессивной фракции русского сопротивления. При этом возник своего рода порочный круг. Радикализм таллинских «интеров» побудил их к бойкоту выборов в горсовет, и в итоге в городе, где больше половины населения — русские, городская власть оказалась в руках эстонской крайне националистической группировки. Горсовет сразу же провел целую серию дискриминационных антимигрантских мер, что, естественно, еще более обострило русскую реакцию.

Наступательные действия эстонских властей вызвали события, которые подвели Эстонию вплотную к гражданской войне. 15 мая 1990 года Комитет защиты советской власти и гражданских прав созвал митинг, на котором прозвучали требования отмены новых «сепаратистских» законов, отставки Сависаара и Рюителя. Никто из эстонских руководителей к митинговавшим не вышел. Страсти разгорались. Несколько участников митинга проникли на крышу здания Верховного Совета, сняли эстонский флаг и вывесили

красный. Через некоторое время его сняли. Тогда рабочие во главе с руководителем Республиканского забасткома М. Лысенко взломали ворота и ворвались во двор Верховного Совета (впоследствии правительство изображало эти действия как попытку государственного переворота). Рабочие столпились во дворе и затем, поддавшись уговорам русских депутатов, стали расходиться. Между тем Сависаар то ли от испуга, то ли решив использовать ситуацию для «сплочения эстонского народа», не дожидаясь результатов переговоров депутатов с митингующими, по радио обратился к эстонцам с призывом идти к Тоомпеа на помощь правительству. И когда русские рабочие возвращались с митинга, им навстречу устремились толпы стекающихся к Тоомпеа эстонцев. Столкновение было, казалось, неизбежным, но все обошлось. Стороны лишь обменялись взаимными оскорблениями.

Этот инцидент стал кульминацией таллиннских страстей, после чего настал некоторый спад. Штурм Тоомпеа осудили все русские лидеры. Против М. Лысенко было возбуждено уголовное дело, и ему пришлось уйти в «подполье». В конфликт вмешалась Москва: в Комитет защиты советской власти и гражданских прав была послана телефонограмма, забастовка прекратилась.

Однако движение «русскоязычных» отнюдь не угасло. Напротив, оно пошло по пути создания альтернативных Верховному Совету органов власти. В конце мая в Кохтла-Ярве под охраной военных прошел Первый съезд народных депутатов всех уровней и делегатов от трудовых коллективов ЭССР. Съезд избрал Межрегиональный совет, состоящий из Совета Старейшин и двух палат — палаты представителей трудовых коллективов и палаты депутатов местных Советов (некая аналогия парламента), и Совет народного хозяйства (как бы правительство).

Несмотря на то, что политическая структура, объединяющая всех русских, все же относительно хрупка, в трех русскоязычных городах Северо-Востока набирали силу процессы, развитие которых могло привести к созданию прочного объединения и установлению независимой или фактически независимой от Таллинна власти. (С этой опасностью Эстония вновь столкнулась в 1993 году.)

События мая 1990 года стали пиком межнациональных страстей в Эстонии. Они ускорили создание альтернативных структур власти, которые в свою очередь стали вводить борьбу в более организованное и спокойное русло. Повторения ситуации 15 мая никто не хотел. И тем не менее в январе 1991 года — новый взрыв.

Связан он с вильнюсскими событиями, породившими приступ страха — одновременно и невротического, и вызванного реальными фактами. В Эстонии многие были уверены, что это — начало переворота и что за Литвой неминуемо последует Эстония. Глубинные страхи перед заговором КГБ, всегда таившиеся в эстонском — и вообще в советском — сознании, ожили с новой силой.

Драматизм ситуации усугубился приездом в Эстонию Б. Ельцина, который полностью солидаризовался с прибалтийцами. Он призвал армию не дать использовать себя «реакционным силам», а ООН — отложить войну с Ираком и заняться Прибалтикой. С представителями русского населения Ельцин встретиться отказался. (Сависаар тут же заявил, что отныне, после визита Ельцина и российско-эстонского договора, «каждый русский, который борется с устремлениями Эстонии, борется с Россией».) 15 января в Таллинне проходит митинг русского населения, где звучат антиельцинские лозунги, а плакаты обвиняют: «Ты предал нас, Лже-Борис». Объявляется новая забастовка. Митинг прошел без «эксцессов». Тем не менее на Тоомпеа привозятся громадные гранитные блоки, из которых сооружается некое подобие баррикад — символ готовности эстонцев сопротивляться. Сависааровское правительство проводит регистрацию эстонских десантников, а в ночь с 20 на 21 января в Таллинне раздаются взрывы у зданий ОСТК и республиканского забасткома.

В непосредственной связи с этими событиями находится политическая голодовка русских депутатов Верховного Совета — С. Петинова и В. Лебедева — с требованием проведения международной экспертизы законов, принятых ВС, на предмет их соответствия правам человека, а также выработки механизма защиты прав меньшинства. Голодовка эта, насколько можно судить, — акт отчаяния, вызванного полной невозможностью быть хоть как-то услышанными в Эстонии или России, что с особенной яркостью выявил приезд Ельцина. Верховный Совет, естественно, взбудоражился. Начались даже «контрголодовки» эстонских депутатов в знак протеста против нее.

Тем не менее все кончилось благополучно. Верховный Совет решил передать свои

ДМИТРИЙ ФУРМАН. Эстонская революция

законы международным экспертам (хотя о самой экспертизе мне ничего не известно) и всерьез заняться правами меньшинства. Голодовка кончилась. А вскоре после того, как правительство заявило, что оно «склоняется» к предоставлению гражданства всем живущим в республике, и пообещало, что в случае приватизации не менее 51 процента акций пойдет трудовым коллективам, кончилась и забастовка.

По ощущению опасности, по силе возникших страхов, по общественному резонансу за пределами Эстонии январский кризис значительно превосходит майский. Но в действительности он был менее глубоким. Его масштабы в значительной мере связаны с событиями в Литве и ожесточенной борьбой за власть в России. Несмотря на страхи перед разного рода заговорами, и эстонцы, и русские вели себя в январе спокойнее, чем в мае.

В эстонском обществе происходят глубокие психологические изменения, постепенно создающие совершенно иной политический климат. Революционная волна начинает спадать.

Прошло время радости и энтузиазма, время праздника. Мощные тюремные двери, за которыми — свобода и счастье, начали чудесным образом открываться при звуках труб и всеобщем ликовании. Но то, что открывалось за ними, оказалось не миром богатства и радости, а суровыми буднями. Мифология начала сталкиваться с реальностью.

Прежде всего достижение независимости оказалось делом не то чтобы более трудным, но вообще чем-то совсем иным, чем думалось прежде. С одной стороны, сопротивление Москвы было предельно слабым. Никто не мешал провести свободные выборы в Верховный Совет, созвать Конгресс Эстонии. Практически никто не мешал (указания на неконституционность не сопровождались никакими репрессивными действиями) принять все многочисленные документы, каждый раз в более яркой и торжественной форме провозглашавшие свободу Эстонии. Никто не мешал Верховному Совету принимать любые законы, которые он сочтет нужными.

Кажется, что в этой слабости сопротивления таилось что-то обидное. У эстонских лидеров и активистов появилась даже потребность изобразить борьбу более жесткой, чем она была на самом деле. Гранитные глыбы на Тоомпеа, которые якобы преграждают дорогу танкам, — памятник этой потребности, символическое выражение титанической борьбы, которой не было...

С другой стороны, достижение независимости со всеми ее «предельными» атрибутами — очень сложно. Советская Армия осталась в Эстонии. Во внутренние дела она не вмешивается, и вообще-то ее пребывание можно игнорировать. Но выгнать ее очень трудно. Каждое независимое государство вроде бы должно иметь свою армию. Но создавать ее — дорого и совершенно бессмысленно. Даже ввести свои деньги оказывается невыгодно...

Кроме того, для эстонцев оказалось очень сложным определиться в вопросе, без решения которого невозможно юридически бесспорное достижение независимости. Это вопрос о гражданстве. Эстония оказалась между Сциллой и Харибдой. Можно, конечно, объявить 'восстановление Эстонской Республики, в которой гражданами признаются те, кто имеет на это юридическое право, то есть потомки эстонских граждан 1940 года. Таково самое простое и очевидное решение. Но практически осуществить его невозможно, ибо оно ведет к лишению гражданства шестисот тысяч человек, которые непременно будут сопротивляться и в этой ситуации уже реально могут рассчитывать на помощь «соседнего государства». К тому же пограничные районы Эстонии, и прежде всего столь важная в экономическом отношении Нарва, окажутся заселенными «негражданами» Эстонии. Так что, как ни близка эта идея сердцу эстонцев, она очень опасна.

Нелегким оказалось и экономическое положение Эстонии при всех надеждах, связанных с «ИМЕ». Кроме общих для всех причин, связанных с трудностями перехода «от социализма к капитализму», здесь действуют и некоторые специфически эстонские причины.

Во-первых, это — последствия «идеологического» разрыва связей с Москвой. Многие эстонцы, например, были очень недовольны развитием своего свиноводства. В нем виделось нечто унижительное, и Э. Сависаар даже сказал «историческую фразу»: «Эстония не должна быть свинарником для Союза». Поставки свинины сократили. Но в ответ получили сокращение поставок комбикормов, пришлось забивать скот, и резко упали заготовки мяса и молока...

Во-вторых, к общему хаосу, порожденному переходом к рынку, прибавился специфический хаос, рожденный все тем же эстонским «юридизмом». Если уж восстанавливать старую Эстонию, значит, надо восстанавливать в правах собственника и старых владельцев. Но как это делать — неясно, и к чему это приведет — еще менее ясно. Однако сразу же возникла неразбериха, вызванная появлением бывших хуторян или их детей, требующих у колхозов назад землю. Не легче было и с бывшими квартирными владельцами. В декабре 1990 года Верховный Совет был даже вынужден принять постановление, которое приостанавливало возвращение бывшим владельцам и их наследникам жилищ, которые были «добросовестно» приобретены за плату их новыми обитателями. Возникла всеобщая неуверенность в своих правах и завтрашнем дне, весьма благотворная для спекуляций и жульничества, достигших колоссальных размеров и очень мало способствующих честному производительному труду.

Наконец, экономические трудности усугубляются и дорогостоящими действиями по обретению разных атрибутов независимости. При всем идеологическом «антибюрократизме» народнофронтовцев сависааровское правительство лишь увеличило государственный аппарат и расходы на него. При этом правительство в своих расходах, очевидно, отражает интересы своей специфически интеллигентской и интеллигентско-бюрократической социальной базы. Так очень резко (непропорционально на общем фоне) выросла зарплата преподавателей вузов, очень большие деньги тратятся на творческие командировки деятелей искусства за границу. Вообще бесконечные поездки правящей элиты за рубеж за казенный, разумеется, счет приобрели скандальный размах.

К экономическим трудностям, ухудшению жизненного уровня и неуверенности в завтрашнем дне добавляются и моральные разочарования. Новая, пришедшая к власти группировка виделась цветом Эстонии, ее интеллектуальной и нравственной элитой. Но люди эти оказались не то чтобы какой-то «кучкой негодяев», но обычными средними людьми с обычными человеческими недостатками и грехами. Депутаты озабочены своим благосостоянием, организуют распределение в своей среде «дефицита», пользуются любым способом попасть за границу. Отношения в правящей верхушке начинают напоминать войну пауков в банке... Одним словом, «новые люди» при всей их большей образованности немногим лучше «старых».

Естественно, что в обществе наступают усталость и разочарование. «Два года назад мы все пели, кричали «ура» оратору, а сейчас что? В основном, молчание. Нет уже таких песен, лозунгов, митингов. Люди перестали даже улыбаться», — говорит И. Каллас.

На смену энтузиазму приходит апатия, и ясно, что в этой новой ситуации Должна возникнуть и новая расстановка политических сил...

Я обрываю свое изложение на моменте, когда в логику эстонского политического процесса врывается мощный внешний фактор. В России произошел августовский путч, неожиданно подаривший Эстонии долгожданную независимость. На мой взгляд, этот свалившийся с неба подарок судьбы осложнил ситуацию, вновь радикализовав национальное движение и затруднив уже намечавшиеся процессы интеграции русских в эстонское общество. Наверное, не только для русских, но и для Эстонии было бы лучше, если независимость наступила не так внезапно и несколько позже, когда общество в какой-то мере устоялось и решило наиболее болезненные проблемы, в том числе и русскую. Тем не менее очевидно, что эта проблема будет решена. Насколько я себе представляю, сейчас в Эстонии на новом витке спирали идут интеграционные процессы.

Эстонцы не самый легкий в общении народ. Но они смогли провести всю свою революцию, не пролив ни капли крови — ни своей, ни русской.